

Итак, проблема авторства в древнерусской литературе имеет очень много аспектов, частично связанных с вопросом о художественных методах, и требует своего внимательного, детализированного изучения на конкретном материале.

Традиционность и художественные методы древнерусской литературы

Слабость индивидуального начала в древнерусской литературе в значительной мере связана с ее традиционностью. О традиционности средневековых литератур писалось немало, однако все же историко-литературное значение этого явления, как и его историко-литературное происхождение, освещены недостаточно.

Некоторым исследователям эта традиционность казалась результатом косности «древнерусского сознания», его неспособности воодушевляться новым, т. е. простым недостатком творческого начала. Между тем традиционность древнерусской литературы — факт определенной художественной системы, факт, тесно связанный со многими явлениями поэтики древнерусских литературных произведений, явление художественного метода. Стремление к новизне, к обновлению художественных средств, к приближению художественных средств к изображаемому — принцип, в полной мере разившийся в новой литературе. Поэтому стремление к «остранению», к неожиданности, к обновлению своего восприятия мира отнюдь не является извечным свойством литературного творчества, как это казалось и продолжает казаться многим литературоведам.¹³

В средневековье отношение к литературному приему иное: традиционность приема не воспринимается как его недостаток. Поэтому нет специфического для литературы нового времени стремления скрывать прием или его «обнажать». Прием — «нормален». Он полагается при изображении событий и явлений. Он требуется литературным этикетом.¹⁴ Он вызывает у читателя определенный рефлекс, служит сигналом для создания определенного впечатления в рамках соответствующего набора этих впечатлений от произведения.

Эффект неожиданности не имел в древнерусском литературном произведении большого значения: произведение перечитывалось по многу раз, его содержание знали наперед. Древнерусский читатель охватывал произведение в целом: читая его начало, он знал, чем оно кончится. Произведение разворачивалось перед ним не во времени, а существовало как единое, наперед известное целое. Во всяком случае литература была менее

вып. V. Л., 1929; ср. его же статью «К вопросу о классицизме» (Поэтика, вып. IV. Л., 1928).

¹³ В частности, Б. В. Томашевский различает во всяком литературном произведении ощутимые (заметные) и неощутимые (незаметные) приемы. Об ощутимых приемах Б. В. Томашевский пишет следующее: «Причина ощутимости приема может быть двоякая: их чрезмерная старость и их чрезмерная новизна. Изжитые, старые, архаические приемы ощутимы как назойливый пережиток, как потерявшее свой смысл явление, продолжающее существовать в силу инерции, как мертвое тело среди живых существ. Наоборот, новые приемы поражают своей непривычностью, особенно если они берутся из репертуара, до сих пор запрещенного (например, вульгаризмы в высокой поэзии)» (Б. В. Томашевский. Теория литературы. Поэтика. Изд. 5-е. М.—Л., 1930, стр. 157). С точки зрения Б. В. Томашевского, литература всегда стремится освободиться от традиционных приемов, скрывая их или, напротив, обнажая. Приемы рождаются, живут, стареют, умирают (там же, стр. 158).

¹⁴ См. подробнее: Д. Лихачев. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения), стр. 5—16.